



Книги Дианы Удовиченко
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ИМПЕРСКИЙ ЯСТРЕБ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВРАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВЕРХОВНЫЙ МАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. РЕКВИЕМ ПО ИМПЕРИИ

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ
ЭФФЕКТ ПРЕЛОМЛЕНИЯ

В соавторстве с Максимом Удовиченко

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИЗГНАННИКИ
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. СКИТАЛЬЦЫ
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИСКАТЕЛИ





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ЭФФЕКТ ПРЕЛОМЛЕНИЯ



РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У31

Серия основана в 1992 году
Выпуск 826

Художник
В. Федоров

Удовиченко Д. Д.
У31 Эффект преломления: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 313 с.: ил. — (Фан-
тастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1394-2

Убийца пришел вместе с сезоном дождей. Он идет по улицам, невидимый и неуловимый, оставляя за собой истерзанные выпотрошенные трупы. Вампиры так не убивают, но и человек на такое не способен. Власти бессильны, жители в панике, а в небе над городом все чаще появляется гигантский монстр. Со всем этим может справиться только профессиональный чистильщик — охотник на нежить. Чтобы вычислить преступника, он должен разгадать загадку четырехсотлетней давности.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1394-2

© Удовиченко Д. Д., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Дорогому другу.

*Спасибо, душа моя, за твои книги, и просто за то,
что ты есть.*

Автор

Не судите, да не судимы будете.

Матф. 7:1

ПРОЛОГ

Владивосток, май 2012 года

В темноте кто-то был. Ворочался невидимой тушей. Маринка чувствовала это — с того самого момента, как они дошли до конца недлинного прямого тоннеля и, не найдя ни ответвлений, ни комнат, повернули назад.

Вроде она не увидела ничего подозрительного. Никто не появился из мрака, не колыхнулась завеса темноты. И хоть Маринка напрягала слух, не уловила ни эха от чужих шагов, ни дыхания за спиной. Не случилось ничего такого, но вдруг стало страшно. Очень страшно. По позвоночнику словно пробежала струйка ледяной воды, заставляя содрогаться, натягивая до предела нервы. Кожа покрылась мелкими пупырышками, горло перехватила судорога. «Уходи отсюда!» — вопила интуиция, предчувствие или чему там положено вопить в таких случаях?

— Пошли отсюда, — в который раз уже повторила Маринка за интуицией и сама поразилась тому, как охрип вдруг ее голос. — Быстрее, Санечка, пожалуйста...

— Да идем же, идем, — успокаивающе проговорил Саня. — Ты чего, Марин? Прекрати истерить.

Он понять не мог, почему вдруг подружка перетрусилась. Ничего же не произошло. Да и что могло произойти в этом скучном подземелье? Ровное, прямое, без всяких боковых коридоров, помещений или лестниц, оно тянулось в сопке всего-то метров пятьдесят и заканчивалось тупиком. Зря только полезли, думал Саня, осматривая каменную стену, которая тоже не представляла собой ничего интересного. Шероховатая, осклизлая от сырости — обычная.

Тогда Маринка вдруг и перепугалась. Чуть не плакала, просила поскорее вернуться. Он хотел было пошутить, заорать: «Не могу! Меня кто-то за задницу схватил!» — но в голосе девушки было столько неподдельного страха, что Саня передумал. Молча двинулся обратно и ее за руку повел.

Синеватое пятно света от фонарика нервно дергалось, выдавая дрожь Маринкиных пальцев. Пахло погребом и картошкой — плесенью... Где-то размеренно капала вода, звонко ударяясь о камень.

— Быстрее, Санечка, быстрее... — молила девчонка.

Саня торопился как мог. Не хотелось расстраивать без того перепуганную подругу.

До выхода оставалось каких-то пять метров, виден уже был квадрат тусклого света, ложившийся на стену, слышался с улицы шум дождя и отдаленный гул автомобильных моторов.

— Ну вот, дошли, — сказал Саня.

— Поздно...

Голос Маринки был неживым. Девушка прижалась спиной к сырой стене, глядя куда-то в темноту.

— Что еще...

И тут Саню накрыла волна ужаса. Темнота взволновалась, изрыгнула чернильную тень, которая метнулась к людям, обретая под лучом фонарика уродливое, невозможное лицо.

Последнее, что услышал Саня, — отчаянный визг Маринки...

ГЛАВА 1

Владивосток, май 2012 года

Коридор был длинным и темным, как кишка, да еще изгибался то вправо, то влево, отчего сходство только усиливалось. Из приоткрытых дверей некоторых комнат на пол ложились полоски бледного света. Но этого не хватало, пришлось включить фонарь.

Я заглядывал во все двери по очереди, осматривал помещения, похожие то ли на подвалы, то ли на пещеры. Луч фонаря выхватывал из темноты дикие, отвратительные картины. В первой комнате извивались в странном танце полуобнаженные существа. Тощие тела, белые лица, сияющие глаза с вертикальными зрачками, кроваво-красные губы... На пляску из угла замороженно смотрел пожилой мужик. Руки его были связаны за спиной.

За следующей дверью бледномордые твари, затянутые в черную кожу, хохоча, избивали плетью молоденькую девушку. Та отчаянно кричала, металась по комнате, чем лишь усиливала всеобщее веселье. Пахло кровью, дорогими духами и зверинцем. Один наблюдательный упырь метнулся на луч света от моего фонаря. Я с силой захлопнул дверь, искренне надеясь, что успею разбить уродливую харю.

Еще одна комната. Бесформенный клубок тел — твари сплелись не хуже змей во время спячки. Медленно шевелились бледные руки, ноги. По подбородкам текла кровь — существа кусали друг друга, постанывая от удовольствия. Увидев меня, лениво зашипели, но не разомкнули объятий.

Наконец после десятка помещений, из которых ко мне бросались, прыдали, визжали и тянули когтистые пальцы белокожие окровавленные уродцы, я нашел нужную комнату.

Здесь было тихо. Из распахнутого окна вслед за шорохом дождя вползала сырая прохлада. Единственный крошечный

светильник давал ровно столько света, чтобы видны были очертания гроба, стоявшего на столе посреди комнаты.

Я подошел ближе, заглянул в богато декорированную домовину — там лежал молодой парень. Бледное лицо, обрамленное траурной рамкой черных волос, из-под красных, словно окровавленных губ выглядывали длинные клыки. Руки чопорно сложены на груди, каждый палец заканчивался темным саблеобразным когтем. Со стороны могло показаться, что парень мертв, но, если присмотреться, становилось видно, как старинный камзол на груди вздымается в такт медленному дыханию. Из гроба наружу свешивался краешек черного с алым подбоем плаща.

Тихо ступая, я подкрался к стене, нащупал выключатель и нажал кнопку. Комнату залил яркий холодный свет.

— Вставай, упырина!

От неожиданности Дракула подскочил, тут же зажмурился от яркого света и едва не вывалился из гроба.

— Фа-фа-фа, — пробормотал он, выпутываясь из плаща. — Фы фаф фюфа фюфол?

— Плюнь каку, — задушевно посоветовал я. — Подавишься.

Мальчишка вытащил вставные челюсти с длинными клыками и уже нормально произнес:

— Ты как сюда прошел? Если начальство увидит — меня уволят на фиг!

— У меня клубная карта, забыл? Я в вашем гадюшнике VIP-клиентом числюсь. И потом, я плачу тебе не меньше, чем клуб. А за что? Соберись, Влад, проснись уже! Разговор есть.

— Только перерыв между двумя шоу выпал, — привычно заныл Дракула, скребя когтем в затылке, — хотел отдохнуть, а ты...

Под лампами дневного света стали видны синяки на его физиономии, которые не мог скрыть даже толстый слой грима. Я вынул из бумажника сто долларов, протянул ему:

— Теперь лучше? Ты почему на связь вовремя не вышел? Что у вас тут стряслось-то?

— Откуда узнал?

— Так вся Сеть гудит.

— Значит, слил кто-то из наших, — вздохнул упырь.

Влад Цепеш, он же Маленький Дракула, он же Владик Семенуца в миру, был звездой стриптиз-клуба «SWB» (что расшифровывается как «sweet blood»). Корча упыря перед богатыми дурами, зарабатывал на учебу в Кембридже. Владик мечтал получить профессию детского психолога. По той же причине он согласился стать моим осведомителем.

Я регулярно мониторил «SWB» — там, где столько людей играет в вампиров, рано или поздно появятся и настоящие проклятые. Мне казалось, им здесь будет комфортно.

— Так что случилось? В полиции на вас ничего нет.

Влад достал из кармана шоколадный батончик, вгрызся в него, смазывая алую помаду. Ответил с набитым ртом:

— С полицией замяли. Да ничего особенного. У одной тетки крыша съехала. Постоянная клиентка. Заказала коньяк и садомазо с Артурчиком, все как всегда. А потом взяла и пацана искусила.

— Коньяка-то много приняла? — хмыкнул я.

— Достаточно, — кивнул Влад. — Ну и вот. Пока заметили, пока добежали, она его до мяса догрызла. Спасибо, до шеи не добралась.

— А он не сопротивлялся, что ли?

— Почему? Сопротивлялся, плеткой отбивался. Но баба как озверела. Психи, они же сильные. Мы ее втроем еле оторвали от Артурчика. Так она еще потом мне и двум охранникам морды набила и в окно сиганула.

— Разбилась?

— Да шас. Такие не разбиваются. Бегала вокруг дома, пока ее мужу не позвонили. Тот прислал людей, они за все расплатились, а тетку забрали. Говорят, в дурку заперли.

— Так почему не сообщил вовремя?

— Сотрясение у меня было, — затуманился псевдовампир. — Она ж как шибанула... Дома отлеживался. Сегодня вот еле выполз на работу.

— Лады. — Я хлопнул парня по обтянутому шелком плечу. — Пойду. А ты завязывал бы с этой упырятиной, а то и тебя кто-нибудь сожрет.

— Не сожрет, я теперь осторожнее буду, — беспечно ответил Влад. — Ты ж в курсе: мне деньги нужны.

Бесполезно с такими спорить. Я махнул рукой:

— Как знаешь. Только не теряйся больше, а то уволю.

Я распахнул дверь, но не успел и шага сделать, как на пороге возник голый по пояс пузатый мужик лет сорока. Окинув нас безумным взглядом выпученных глаз, он икнул. По подбородку потекла слюна. Из коридора послышались топот и крики охраны. Не тратя времени на разговоры, мужик завыл, широко растопырил руки и бросился на меня. Я ответил прямым ударом в челюсть.

Псих остановился, помотал башкой, снова двинулся вперед, размахивая кулаками. Уклонившись от его неуклюжих выпадов, я ударил еще. Два апперкота опрокинули дядьку на пол.

— Упорный, — процедил я, рассматривая здоровяка, который силился встать и чем-то напоминал бегемота. — Весело тут у вас...

— А чего ты хочешь, — философски заметил Владик. — Тут элита гуляет, они через одного обдолбанные или нанюханые. Ну, и антураж располагает...

Перешагнув через мужика, я вышел. Миновал встревоженных охранников, спустился по широкой лестнице в зал. Пахнущую травой полутьму прорезали лазерные всполохи. В клетках под потолком плясали бледные девки в прозрачных саванах на голое тело, посреди зала на столе извивалась красивая мулатка с питоном, весьма убедительно копируя Сальму Хайек из фильма «От заката до рассвета».

Я немного полюбовался на мулатку, потом поднял воротник плаща и вышел под дождь. Значит, в «SWB» ничего особенного не произошло... Это хорошо, но почему же меня с самого утра наполняет странная уверенность: сегодня должно что-то случиться? Хорошо было бы ошибаться, но я привык доверять интуиции.

Верный черный «паджерик» ждал у входа. Усевшись, я сунул ключ в замок зажигания, и тут айфон в кармане разразился мелодией «System of a down».

— Ты где ходишь? — сердито спросила Маша. — Звоню-звоню...

Отняв трубку от уха, я бросил взгляд на экран. Пять пропущенных вызовов.

— Извини, Машунь. В клубе был, там шумно...

В голосе помощницы слышались ядовитые нотки:

— Хорошо быть частным детективом! Пока ты по клубам шляешься, офис знойные красотки осаждают.

— Ты на часы смотрела? — возмутился я.

Девять вечера, конечно, самое время для знойных красоток, но не в офисе...

— В шесть отправила дамочку домой. С трудом выпроводила. Но она обещала вернуться.

— А чего хотела?

— Не знаю. Сказала, будет говорить только с тобой.

Я вздохнул:

— Спасибо, Маш. Завтра разберусь.

Я сразу понял, о какой дамочке говорила помощница. Для чего еще существуют частные детективы, как не для решения проблем заказчиков? Только вот я не совсем обычный сыщик, и гости мне только мешали. Поэтому я в объявлениях об услугах всегда ограничивался номером мобильного. Но девица так рыдала в трубку, так умоляла о помощи, что я подумал: может, это мой случай? И назвал адрес офиса. Правда, это было неделю назад. Объявилась же она только сегодня. Значит, скорее всего, ничего серьезного.

Нет, не по поводу дамочки сегодня бунтовал мой внутренний голос.

Дождь барабанил по лобовому стеклу. Я включил дворники. Пора домой. Собаки голодные, да и я не лучше. Может, обойдется...

Айфон вякнул, извещая об СМС. Со знакомого номера пришло пустое сообщение. Это значило, надо срочно проверить почту.

Я вышел в Интернет, открыл ящик, увидел новое письмо осведомителя из полиции.

Не обошлось.

«В подземелье на улице Гоголя найдены два трупа — мужской и женский... По предварительным оценкам экспертов, тела принадлежат молодым людям в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет... Смерть наступила около двух суток назад...»

Ткнув в прикрепленный файл, я открыл фото. В двух выпотрошенных телах трудно было узнать парня с девчонкой. Кто-то вскрыл им брюшины, перегрыз глотки, вырвал сердца. И я мог поклясться: это сделал не человек.

Первое правило чистильщика: проклятые всегда рядом.

Из истории рода Батори

Замок Эчед, июнь 1569 года от Рождества Христова

— Илона, куда ветер летит? — девятилетней Эржебете не стоялось спокойно. Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу, пока няня застегивала на ней платье. — Куда он летит, Илона?

— Куда Богу будет угодно, барышня, — чопорно поджимая губы, ответила полная розовощекая служанка.

— Нет! — Девочка тряхнула головой, длинная черная коса подпрыгнула на плече. — Ты раньше не так говорила! Скажи!

— Ох, барышня, сказки все это, — вздохнула няня. — Поди, узнает про них матушка ваша, выпорот бедную Илону.

— Не узнает! Я никому не скажу! — Эржебета обняла женщину за шею. — Говори, говори, Илонушка!

Няня рассмеялась: ну как ей отказать? Эржебета была любимицей всей семьи и дворни. Мать радовалась ее красоте: белая как молоко, нежная как шелк кожа, румянец на щеках, что твоя утренняя заря, большие изумрудно-зеленые глаза, черные блестящие волосы. Отец гордился умом дочки — к девяти годам она уже бегло читала, писала и помогала вести счет в хозяйстве. Сестры восхищались смелостью и ловкостью — Эржебета ездила верхом и фехтовала не хуже любого юноши. Ну а слугам была по сердцу веселость и ласковость малышки.

«Счастливый будет господин, которому достанется такое сокровище», — подумала Илона, а вслух произнесла:

— Хорошо, птичка моя, как прикажете, — чмокнула ручки девочки, заговорила нараспев: — Ветер летит к своей любимой, волшебнице Делибаб. Каждый полдень встречаются они под старыми дубами в лесу Мнеллики...

— А кто им мешает? Расскажи, Илона! — Эржебета с замиранием ждала старую, наизусть выученную, но все равно любимую историю.

— Им мешает страшный демон Ердэг. Он хочет украсть прекрасную Делибаб. И когда подбирается демон близко, гневается ветер, приносит черные тучи, рвет деревья, обращается в ураган...

— А что еще Ердэг делает?

— Он крадет детей с чистыми душами, — таинственно

прошептала Илона. — И заменяет их лидерками¹, в которых вкладывает кусочек своей черной души.

— Для чего ж ему дети?

— Он их ест. — Няня поднялась с колен. — Идемте в сад, барышня.

— Не хочу! — Эржебета капризно топнула ножкой, обутой в козловый башмачок. — Там скучно. Почему нельзя на Винаре по полям кататься?

Ее манили просторы Прикарпатья, а крошечный садик, выращенный в стенах замка меж двумя донжонами, был скучным, изученным до последнего листика.

— Батюшка с матушкой не велели, — пояснила Илона. — Вот вернутся они из Эрдёда, тогда и поедете с батюшкой на прогулку или там охоту. А сейчас никак не получится. Неспкойно, говорят, в деревнях-то...

Эржебета вздохнула: матушку послушаться нельзя, она строгая. А вернутся они с отцом еще не скоро... И зачем, спрашивается, дался им замок Эрдёд?

Каждое лето в Эрдёд со всей Венгрии съезжались знатные евангелисты — родственники, друзья, знакомые четы Батори. Бывал там веселый дядюшка Иштван — придворный интриган, помощник Габсбургов, и прекрасная Клара Батори — старшая сестра короля Трансильвании, и, говорили, даже приезжал однажды сам Штефан Батори — король Польши, которому матушка Эржебеты приходилась родной сестрой. И целыми днями гремели в замке веселые празднества, не смолкала музыка, носились туда-сюда слуги, таская блюда со снедью, и вино лилось рекою. А лунными ночами, когда спадала жара, открывались ворота старинного замка, и вылетала из него кавалькада всадников с факелами и неслась не разбирая дороги — по лугам, по крестьянским полям, по виноградникам — к лесу, на охоту...

Эржебете тоже хотелось увидеть Эрдёд, посидеть за столом с именитыми гостями, промчаться по полю на Винаре. Но, как назло, ко времени отъезда она почувствовала недомогание — видно, простыла на последней верховой прогулке. Потому вышло, что с родителями уехали брат Иштван да младшие сестренки — Жофия и Клара. Эржебета же осталась

¹ Лидерки (лидерк, лидерка) — вампироподобные существа в венгерской мифологии.

в компании Каталины с Агатой — старших дочерей матушки от первого брака. Сестры, взрослые уже девицы шестнадцати и пятнадцати лет, обе были помолвлены и ожидали свадеб. Родители рассудили, что негоже просватанным невестам гулять на праздниках, и оставили девушек в Эчеде.

Эржебета вслед за няней вышла из своих покоев, двинулась вниз по крутым ступеням, вдоль стен из серого камня.

Стар был замок Эчед, построенный еще при Карле Великом. Громада крепостных стен диким серым цветком выростала из Карпатских скал, тянулась к небу тяжелыми лепестками башен. Осенью и весною здесь гуляли сквозняки, зимою завывал ветер, а летом солнце нагревало камень, превращая замок в пекло. Эчед населяли многочисленные призраки — бродили по ночам духи предков, которые умерли или были убиты в этих стенах, оглашали залы тихими стонами...

Эржебета любила Эчед — родовое гнездо семьи, а привидений не боялась. И то сказать, они ни разу не тревожили сон девочки. Зато как весело было бегать по узким коридорам, слушая, как мечется под сводами ее собственный смех, отраженный от камня!

В саду уже чинно прогуливались Агата с Каталиной, нарядные, в шелковых одеждах — белоснежные рубахи с пышными рукавами, корсажи платьев расшиты золотым галуном, на подолах — узор из чудесных цветов и сказочных птиц. Эржебета удрученно взглянула на свое платье из зеленого сукна. Ничего, зато в нем бегать и играть удобно.

Послеполуденное солнце было жарким, из-за стен доносился шум голосов. Илона присела на каменную скамеечку у стены, задремала. Сестры о чем-то шептались, хихикали — наверное, женихов обсуждали. Эржебете было скучно. Она остановилась возле хилого деревца, принялась тайком очищать листья.

Шум делался все громче, ближе, злее. Вскоре рев десятков луженых глоток зазвучал под самыми стенами Эчеда.

— Беда! Беда! — раздался задыхающийся женский голос.

— Что случилось? — Илона всполохнулась, завертела головой. — Что это?

— Беда! — в садик вбежала Тимия, служанка Агаты. Оста-

новились на мгновение, перевела дух. — Беда! Люди в деревне взбунтовались, сюда идут!

Илона прижала к себе перепуганную Эржебету:

— Не бойтесь, птичка моя, они ворота не откроют...

— Открыли уж, — заплакала Тимия, — какой-то иуда выпустил бунтарей...

Илона с неожиданной легкостью подскочила, схватила Эржебету за руку:

— Бежим, птичка моя! — потащила девочку к лестнице, что вела вниз, на последние ярусы, а потом к замковым подвалам. — Тимия, шевелись!

Служанка последовала ее примеру, затормошила Агату с Каталиной, которые онемели от ужаса:

— Скорей, барышни! А то не сносить нам голов!

Злобный ропот приближался, распадался на крики боли, натужное хэканье мечников, женский плач: бунтовщики дрались с охраной и расправлялись со слугами.

Девушки наконец пришли в себя, подобрали юбки и побежали за Тимией.

Впятером летели они вниз по крутым ступеням, не останавливаясь, вбежали в арку, ведущую на последний ярус. Голоса крестьян отдалились, потом затихли, но женщины не остановились даже передохнуть.

— Быстрее! — говорила Илона.

Спустились в богатые погреба, побежали мимо мешков с овощами, копченых окороков, подвешенных под потолком, бочек с вином, потом снова спускались по скользким винтовым лестницам...

— Быстрее, барышни!

Они оказались еще ниже, в подвалах. Издали снова слышались вопли бунтовщиков, заметались эхом под сводами подземелья. Илона обессиленно прислонилась к стене.

— Бежим, няня! — звала Эржебета.

— Здесь, — с трудом выдохнула женщина. Налегла грудью на камень, сдвинула его, открыв узкую щель, из которой потянуло могильным холодом. — Выход к лесу... Здесь...

Эржебета первой вошла в тоннель, двинулась в полной темноте на ощупь, хватаясь за склизкие стены. Брела медленно, радуясь тому, что не найдут во мраке. За спиной слы-

шалось тяжелое дыхание служанок и плач сестер. Впереди забрезжил свет.

Подземный ход оказался коротким, вскоре беглянки выбрались из пещеры на склоне горы.

— В лес! — сказала Илона.

«Спасены, спасены!» — колотилось сердце.

Она неслась так, что ноги в удобных башмачках почти не касались земли. Первой добралась до опушки леса, схоронилась за стволом толстого дуба, выглянула, мысленно поторапливая сестер и служанок. Те уже подбегали к лесу, как вдруг...

— Вон они! Лови господских сук!

Из пещеры выбрались крестьяне. Один... два... десять... и еще... и еще... Эржебета с ужасом смотрела на уродливые грязные лица, беззубые рты, разъявленные в крике, покрытые темными пятнами пота рубахи, топоры и вилы в огромных натруженных руках...

Увидев барышень, чернь зашлась яростным ором:

— Бей сук!

Злобный вопль хлыстом ударил по сердцу. Эржебета нырнула за дерево, прижалась лицом к шершавой коре, затаила дыхание, как будто это могло сделать ее невидимой.

— Скорее, птичка моя! Не уйти нам...

Эржебета вздрогнула: не заметила, как Илона подбежала, остановилась за спиной.

— Лезь! — Служанка подхватила девочку под мышки, посадила на дерево.

— А ты, Илона?

— Лезь! Сиди молча! Не смотри! — лихорадочным шепотом наставляла няня. — Молись, молись, птичка моя...

Эржебета ловко, как белка, вскарабкалась по стволу дуба, зацепилась за толстую нижнюю ветку, подтянулась, уселась верхом. Проследив за нею взглядом, Илона вышла обратно, на опушку — туда, где мужики, обезумевшие от неповиновения и крови, окружали старших барышень.

Отдышавшись мгновение, Эржебета дотянулась до следующей ветки и полезла выше, выше. Вскоре она скрылась в густой кроне, зелень платья слилась с листвой, надежно укрывая девочку от враждебных взглядов.

Эржебета уселась в развилке ветвей, руками и ногами обхватила ствол и только тогда взглянула вниз.

Не зря, не зря Илона запрещала ей смотреть...

Каталину с Агатой окружила толпа крестьян. Сестры едва стояли на ногах от ужаса, прижались друг к другу, трепетали — два хрупких цветка в клубке червей. Верные Илона и Тимия своими телами загораживали барышень от озверевших рабов, да только разве то была защита?..

Кольцо сжималось все плотнее, со всех сторон раздавался злой ропот, грязные лица кривились гримасами жадности, ненависти, похоти...

— Стойте, стойте! — крикнула Илона. — Колош, Михал, куда напираете? Николау, тебе говорю, охолони! Или плетей давно не пробовали? Вернутся господа — торчать вашим головам на стене! Остановитесь, пока не поздно!

— Нашим головам и так уж не поздоровится! — захохотал огромный детина, поигрывая топором. — Семь бед — один ответ, а напоследок погуляем! Дави их, ребята!

— Не тронь барышень, Петру! Они вам ничего не сделали!

— Барское семя, гнилое, — ослабился мужик. — А ты умолкни уже!

Коротко замахнувшись, он опустил топор на голову Илоны, раскроил череп пополам. Уперся ногой в живот женщины, дернул на себя, выпрастывая лезвие. Серые и красные капли разлетелись веером, упали на лицо Агаты. За спинами девушек зверино завывала Тимия, когда в живот ее вонзились вилы.

— Издохни, ведьма! За сладкий кусок барам продалась...

— А мы сейчас попробуем, как сладок господский кусок! — сально ухмыльнулся Петру.

Он протянул огромную ручищу, дернул с волос Каталины расшитую жемчугами парту¹.

— Дави господское семя!

Эржебета не могла не смотреть. Впиалась когтями в кору, закусила губы до боли, чтобы не закричать, не броситься с кулаками на мерзких тварей. Злоба затопила душу. Как они смеют? Как смеют поднимать руку на Батори?

¹ П а р т а — головной убор, подобие кокошника, который носили венгерские незамужние девушки. У дворянок шилась из дорогих тканей, отделявалась золотом, драгоценными камнями.

Кто-то выдернул рубиновые серьги из ушей Агаты, разорвав мочки. По шее девушки заструилась кровь. Вид ее и запах словно выпустил наружу все звериное, что бурлило в людях.

Несчастных повалили на землю. Рвали в клочья шелковые платья, добираясь до белых нежных тел. Жалобно кричала Агата, билась в жадных руках. К сестре ее судьба была милосерднее: девушка лишилась чувств. Петру кричал, упав на колени возле бездыханной барышни:

— Я, я первый буду...

Упал, придавил собою распростертое тело, дергался, хрипел, роняя с губ пену на бледное лицо...

Эржебета мысленно умоляла родителей прийти, спасти. Но они не слышали, и в душе поднималась злоба на них... Почему бросили дочерей? Сладко ли пьется вам, весело ли пляшется, когда подлый скот терзает плоть вашу?..

Долго зверствовали бунтовщики. Пытали полуживых девушек, вымещая на беззащитных свою ненависть к жестоким господам. Эржебета смотрела. Запоминала. Навсегда. На всю жизнь.

А потом, когда горизонт налился кровью, свистнули веревки, захлестывая нижние ветви дерева, на котором сидела Эржебета. Крестьяне подняли изломанные, безвольные тела, накинули петли на тонкие шеи...

Ногти впились в кору так, что из-под них сочилась кровь. Ее вкус ощущался во рту — зубы прорвали губу. Эржебета смотрела. Слышала предсмертный хрип сестер, ощущала, как дергаются они в последних судорогах. Чувствовала запах их испражнений.

Крестьяне ушли. А Эржебета все сидела, затаившись, на дереве, не смея пошевелиться.

Ночь упала на землю, выкатила на небо бледный диск полной луны. Ветер гулял по лесу, ерошил волосы Эржебеты, скрипел ветвями, играл, раскачивал повешенных.

Затрещали кусты — уходили олени, напуганные запахом смерти. Барсук высунулся из норы под корнями дуба, повел любопытным носом, тревожно понюхал воздух, поспешно нырнул обратно.

Выбрался из леса волк, за ним другой, третий — целая стая. Кружили возле дуба, пытались подобраться к покойницам. Жалобно поскуливали, становились на задние лапы.

Один, самый крупный, напряжился, взметнул поджарое тело в прыжке, вцепился зубами в ногу Агаты и повис, мотая башкой. Упал на землю с добычей — куском плоти. Но больше, сколько ни скакали звери, не сумели достать человечины. Разочарованно поскуливая, растаяли в сумерках.

Эржебета молилась, как учила матушка. Только вот слова растворялись в усталости и безумии, которые волнами накатывали на разум. Но она старалась, повторяла молитву снова и снова, не понимая смысла...

Захлопали крылья — к дереву слетались вороны, похозяйски рассаживались на ветвях, на головах и плечах мертвых. Одна примерилась, клюнула глаз Каталины. Другая подкралась к Эржебете, ударила клювом по голове, выщипнула кусок кожи. Девочка отмахнулась, чувствуя, что по шее потекла теплая струйка. Птица лениво перелетела от строптивной добычи на другую ветку.

Эржебета молилась. Слова терялись, путались, превращались в чужие, незнакомые.

Отче наш, иже еси на небесех...

...Бог Иштен и три сына божьи — Иштен-дерево, Иштен-трава, Иштен-птица и ты, могучая богиня Мнеллики, родной землей заклинаю вас, кровью заклинаю: спасите Эржебету, сохраните для мести...

Снова пришли волки. Расселись под деревом, ждали чего-то. Вороны хрипло каркали, прогоняя соперников.

Да святится имя Твое, да придет царствие Твое...

...И вы, сестры Тюндер, и ты, фея водопадов, что расчесывает водяные волосы свои, и ты, ветер, возлюбленный волшебницы Делибаб, летите к отцу и матушке, расскажите, что Эржебета в беде...

Тяжело ворочался кто-то в лесу. Тревожно заорали вороны, а волки убралась прочь. Хозяин леса шел за добычей.

...И ты, демон Ердэг, повелитель черных псов, черных кошек и черных ведьм, подаришь ли спасение за мою бессмертную душу? Спасение ради возмездия, демон Ердэг...

Эржебета молилась.

Вороны бросили пиршество, взмыли в небо. Треск ветвей стал удаляться и вскоре растворился во тьме. Хозяин леса ушел. Наступила тишина.

Эржебета молилась.

А потом появился Черный человек. Возник из воздуха возле пещеры. Высокий, в темном плаще, лица не видно, спрятано под капюшоном. А может, и пустота в нем, в капюшоне...

Эржебета смотрела, и ей казалось, Черный человек медленно приближается. И она уже не молилась, потому что понимала: вот оно — самое страшное. Страшнее бунта, страшнее волков и медведя. Даже страшнее смерти сестер. Ее судьба. Черный человек.

У него не было лица, но Эржебета чувствовала: он смотрит на нее. И под этим невидимым взглядом пылала, выгорала дотла ее душа. Оставались серая зола да пепел...

Черный человек исчез с рассветом, растаял так же неожиданно, как появился. Эржебета с трудом разжала сведенные судорогой пальцы. Оказалось, она всю ночь просидела на дереве неподвижно. Теперь попытка размять затекшие члены отозвалась болью во всем теле.

подавляя стон, девочка долго ждала, пока кровь быстрее заструится по жилам, а руки и ноги начнут слушаться. Потом принялась спускаться с дуба — жалобно, по-щенячьи, повизгивая, когда казалось, что вот-вот сорвется. На полпути оказалась лицом к лицу с Агатой. Зажмурилась на мгновение, потом поборола себя, взглянула. Пустые глазницы, расклеванное лицо, черные потеки засохшей крови. Слабый запах тлена. Лицо смерти. Не страшно.

Эржебета сползла с дерева, упала на землю, долго лежала, набираясь сил. Потом с трудом поднялась и побрела вдоль леса. Шла долго. Не страшилась ни диких зверей, ни бунтовщиков — это была не ее смерть, не ее судьба.

В середине дня вышла к дороге. Уселась на обочине, ждала чего-то. Чего? В этих местах хорошо если за день один всадник проскачет...

Вдалеке взметнулся столб пыли — не напрасно ждала, значит. Застучали копыта, к Эржебете мчался неоседланный вороной жеребец.

— Винар! — крикнула девочка.

Конь остановился, нервно прядая ушами. Видно, сбежал, когда крестьяне разоряли конюшни, не захотел служить грязным скотам.

— Молодец, Винар, — прошептала Эржебета, чувствуя, что силы опять покидают ее. — Хороший Винар...

Замерев, жеребец ждал, пока девочка влезет на его спину. Стерпел, когда маленькие окровавленные руки вцепились в гриву. Сдержал нервную дрожь: от хозяйки исходил тяжелый дух смерти.

— Вперед, Винар! — Эржебета почти легла на шею коня.

Жеребец пошел быстрым шагом, бережно неся девочку, которая все глубже погружалась в забытье.

Июнь 1569 года, город Эрдёд, замок Эрдёд

Поздней ночью перед воротами Эрдёда остановился вороной конь, нетерпеливым ржанием оповестил стражу о своем появлении.

Сонный часовой выглянул из воротной башни, толкнул товарища:

— Габор, смотри-ка, всадник мертвый, что ли?

Тот поскреб в затылке:

— Может, ранен. Пойдем-ка, Янош, проверим...

Они распахнули тяжелые створки, жеребец вошел и встал возле стражников. Всадник свалился бы на землю, не подхвати его вовремя Габор.

— Это девчонка, — присвистнул он. — Вся в крови. Да вроде еще дышит...

— Смотри-ка, она не из простых, — заметил Янош. — Платье господское, а конь целого дома стоит.

— Конечно, не из простых, дурья башка! — заорал капитан стражи, который очень вовремя пришел проверить пост. — Это ж дочка самого Дьёрдя Батори! Я ее в Эчеде видал!

— Ух ты! Так за нее награду дадут, что ли? — восхитился Габор.

— Или на кол посадят, если она у тебя на руках помрет! Я сам ее в замок отвезу.

Эржебета разомкнула запекшиеся губы, хрипло прошептала:

— Скажите отцу... в Эчеде бунт... сестер... убили... — и снова погрузилась в беспамятство.

Капитан выругался, вскочил на усталого жеребца, принял

Эржебету из рук Габора и поскакал в замок, где собралось множество знатных господ.

Спустя час из ворот Эрдёда вылетел большой отряд всадников. Яростно гикая, вооруженные до зубов верховые понесли в сторону Эчеда.

Июнь 1569 года, замок Эчед

— Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое...

Анна снова и снова повторяла слова молитвы, не сводя глаз с бледного, осунувшегося лица дочери. Вот уже четвертая неделя пошла с той проклятой ночи, когда капитан стражи привез бесчувственную девочку в замок Эрдёд и торопливо рассказал о восстании. С тех пор Эржебета не приходила в себя.

В ту темную ночь Дьёрдь и все гостившие у Батори мужчины тут же подняли своих гайдуков, помчались в Эчед. Восстание подавили быстро — прошли по окрестным деревням огнем и мечом. Сожгли каждый третий дом, пригрозили, что сожгут и остальные. Крестьяне тут же указали на бунтовщиков и зачинщиков, да еще сами кинулись их вязать. Тех, кто успел сбежать, искали и ловили гайдуки Батори.

Едва прибыл гонец с сообщением, что мятежники пойманы, Анна собралась и отправилась в Эчед. С собою повезла и спящую Эржебету.

Скоро комнаты в замке привели в порядок, стены обили новой белой тканью, поставили мебель краше прежней, разрушенную конюшню отстроили. Все вернулось к своему порядку. Только кто вернет матери детей?

К приезду хозяйки дворян обмыла тела Агаты и Каталины, нарядила в дорогие платья, уложила в обитые бархатом гробы. Раздавленными статуэтками лежали ее красавицы. Хрупкие косточки переломаны мужицкими кулаками, не узнать прекрасных лиц из-за черных пятен, покрывавших кожу. Что вытерпели дочери, какую муку приняли перед смертью, о том она думать не могла, боялась лишиться разума...

Были над барышнями плакальщицы. Анне тоже хотелось завывать да упасть на пол, поползти к мертвым дочерям, да закинуться в кликушеском припадке, биться головою о камень... Не стала — Батори не плачут. Молча подошла к домо-

винам, молча смотрела в изуродованные лица, осторожно гладила изломанные пальцы.

Анна не захотела хоронить дочерей в семейном склепе, отдавать холоду и сырости. Пусть ласкает их солнце, шумят над ними травы, птицы поют. У подножия горы упокоили их, в окружении пышных каштанов. Рядом возвели маленькую светлую часовню.

— Расправа будет лютой, моя любимая, — чернея лицом, обещал Дьёрдь над могилами. — Клянусь, навеки все Карпаты запомнят эту казнь...

Теперь мятежники томились в холодных подвалах замка Эчед, ожидая возмездия, а семьи их мыкали горе на пепелищах. Дьёрдь не спешил с судилищем, ждал, когда очнется любимая дочка, чтобы своими глазами увидела, как расплачиваются грязные скоты за кровь Батори.

Но Эржебета никак не могла пробудиться от странного забытья. Она то металась в горячке, то лежала неподвижно, как мертвая.

Там, во сне, клубилось марево цвета крови, Эржебета плыла по нему, старалась выбраться, да не умела. Приходил Черный человек, склонялся низко, нависал над нею, шептал странное и страшное — о том, что ждет впереди и каков будет конец. Она силилась разглядеть лицо то ли призрака, то ли демона, заглядывала в капюшон, но ничего не видела. Потом сквозь багровый туман пробивался голос матери, и Черный человек уходил, растворялся, чтобы вновь появиться и мучить.

В этот раз голос Анны звучал особенно громко.

— Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, — разобрала Эржебета.

И открыла глаза. Увидела над собою балдахин небесно-голубого бархата, расшитый серебряными нитями. Руки нащупали одеяло из волчьего меха. С трудом повернула голову, удивляясь собственной слабости. Она лежала в своей комнате, в замке Эчед. Пахло воском, горели в серебряных канделябрах свечи. В маленькое окошко заглядывала полная луна.

Возле двери жались две девчонки-служанки. У кровати на низкой скамеечке сидела мать — похудевшая, постаревшая, в траурном платье.

— Хвала Господу, — прошептала Анна, — ты очнулась, дочка...

И тут же, вместо того чтобы обнять Эржебету, ахнула, отпрянула, прижала ладони к щекам, зашептала молитву. Немного погодя махнула трясущейся рукой служанкам — прочь, мол. Те вышли на цыпочках. Мать продолжала молиться, по щекам ее текли слезы.

Не понимая, что могло так испугать всегда невозмутимую, несгибаемую Анну, девочка осторожно села в подушках. Мать и не подумала помочь. Превозмогая головокружение, Эржебета спустила ноги с кровати. Долго сидела, приходя в себя — даже такое ничтожное движение отняло все силы. Потом сползла кое-как с высокого ложа. Босые ступни ощутили холод каменного пола. Девочка едва не упала, но вовремя схватилась за резной столб кровати. Отдохнула, медленно побрела к зеркалу, которое висело на стене.

Эржебета прошла мимо матери, ощутила, как та отстранилась, словно от заразы. На подгибающихся ногах добрела до зеркала, схватилась за дубовую резную раму, заглянула в серебристые глубины.

Оттуда на нее смотрела незнакомка с худошавым, строгим, как у взрослой женщины, лицом. В тусклом свете кожа ее была бледна, как у покойницы, а губы алы, словно кровь. Болезненный сон стер румянец со щек, и Эржебета знала, что это навсегда.

Сзади подошла мать, робко коснулась плеча:

— Твои глаза, доченька...

Яркая зелень превратилась в непроглядную черноту, из которой на мир глядела бездна...

Служанки, которых Анна выгнала из комнаты, присели в темном уголке, шептались испуганно.

— Видала барышню? Чистая ведьма, — говорила пухлая Агнешка.

— Да может, она такая и раньше была? — возражала тощенькая вертлявая Пирошка. — Мы ж ее вблизи и не видали...

Девчонок взяли из деревни в замок совсем недавно, взамен убитых во время бунта служанок. Агнешка с Пирошкой радовались везению — господские люди всегда сыты и одеты. Но больно уж страшно, дико было в каменной этой громади-

не. И говорили о семье Батори всякое. А уж теперь, когда барышня очнулась...

— Нет, она другая была! — Агнешка затрясла головой. — Моя тетка Илона у ней кормилицей служила, потом нянькой. Сказывала, добрая барышня, веселая, чисто птичка, а глаза зеленые, что твоя трава. А теперь?..

— Черные у ней глаза, — Пирошка поежилась.

— Вот! Значит, подменили!

— Кто?! — Пирошка аж рот открыла от любопытства.

Агнешка надула веснушчатые щеки:

— Известно, кто. Он, Ердег. Тетка говорила, он детей лидерками подменяет. А то и вовсе в их душу вселяется. Так что ей-ей, подмениш барышня Эржебета, а настоящую-то Ердег давно уж сожрал...

— Тсс, — зашипела Пирошка. — молчи. Не наше это дело. Как бы беды не было...

Наутро барышня вышла из комнаты. Была она бледна, худа и изможденна. Но держалась прямо, голову несла высоко. С тех пор никто не видел ее улыбки, не слышал смеха.

Белой тенью скользила Эржебета по замку, неслышным призраком появлялась из тени. Встречая людей, смотрела прямо, испытующе. Особенно надолго замирала перед слугами и пришедшими в замок крестьянами. Глядела в лица, словно искала кого-то.

Никто не мог долго выдержать взгляда этих огромных черных глаз. Страшными они были, бездонными, словно адская бездна, из которой сам дьявол людские души выискивает. И оттого шептались люди: подмениш Ердега — дочка Батори...

А Эржебета и впрямь жила в аду. Ее постоянными спутниками стали страх и ярость. Глядя в глупые лица рабов, видела она другие — перекошенные злобой и похотью, слышала предсмертный хрип сестер. И мечтала о мести, и желала убивать. Не могла простить. Ненависть в ней выжгла любовь. Больше Эржебета не ласкалась к родным, не вступалась за слуг, когда родители приказывали их выпороть.

Здоровье ее было неплохо. И лишь в ночи полной луны к Эржебете являлся во сне Черный человек, садился у кровати, касался щеки ледяной рукой и говорил, говорил, приказывал...

вал... Эржебета вскрикивала, металась по кровати, бредила, а просыпалась больная, с горячкой.

Потом луна шла на ущерб, и болезнь уходила. До нового полнолуния.

В Эчед один за другим приезжали лекари. Осматривали девочку, все как один пожимали плечами — не знали, что за недуг. Одного Дьёрдь от безысходности даже на кол посадил, остальных велел выпороть. Не помогло: не сумели вылечить Эржебету.

Отец жалел, гладил по голове, говорил, мол, пройдет, поправится дочка. Матушка ежедневно молилась о ее выздоровлении. Младшие сестрички боялись, сторонились, как прокаженной. И лишь желтые глаза старшего брата Иштвана маслились при виде рано повзрослевшей девочки.

Так минуло три месяца. Наконец гайдуки притащили последнего пойманного в лесу бунтовщика — здоровяка Петру. Для Дьёрдя настало время исполнить обещание, данное жене. Может, и Эржебета успокоится, когда увидит, что мятежники казнены, решил он.

Всю ночь в замке стучали молотки, а к утру вырос во внутреннем дворе деревянный помост. К нему нагнали слуг и крестьян из ближайших деревень — пусть видят, что случается со скотами, посягнувшими на жизнь Батори.

Для господ на нижнем ярусе галереи поставили кресла. В полдень казнь началась. Солдаты вывели из подвала преступников, загнали на помост, поставили на колени.

Тощи, бледны были узники. Дрожали, закрывали глаза, ослепшие от яркого солнца. На руках и ногах звенели толстые цепи, тела покрывали гниющие раны, и ползали по ним вши. Эржебета смотрела на крестьян — и не узнавала. Где те наглые, хохочущие демоны, что в клочья рвали ее сестер?

Закричал глашатай, перечисляя бунтовщиков. Эржебета вздрогнула, услышав имя Петру.

Поднялся Дьёрдь — величественный, строгий.

— Господь милосердный будет судить вас. У него вымаливайте прощение. А своей волей за преступления против Батори приговариваю вас к смерти.

Сел. На помост взобрались палачи, и началась долгая экзекуция. Глашатай по очереди выкликал имена мятежников, распорядитель называл казнь, назначенную Дьёрдем.

Замок звенел от стонов, предсмертных криков и плача женщин. Горячий воздух пах кровью. Алые лужи залили помост, алые кляксы украсили одежду солдат и палачей. Камень замкового двора стал скользким, и росла на нем груда изувеченных тел. Одни были мертвы, другие еще шевелились, тянулись куда-то, по-рыбьи разевая рты с обрубками языков.

Кровь за кровь... Мерно взлетали плети, шипели раскаленные клейма да покрывались красным мясницкие топоры.

С каждым ударом кнута, с каждым взмахом топора Эржебета только крепче впивалась побелевшими пальцами в подлокотники кресла. Как тогда, в лесу, в кору спасительного дуба... Невозмутимым было ее лицо, холодным. Батори не плачут. Лишь горели адским пламенем черные глаза, и казалось, отражаются в них кровавые лужи.

Иштван забыл о казни, не сводил восхищенного взгляда с лица сестры. Как прекрасна была она в своей неподвижной ярости!

— Петру Новак! — выкрикнул глашатай.

— Сто плетей, вырывание языка, отрубление рук, казнь через посажение на кол, — скороговоркой перечислил распорядитель.

Дышать стало нечем. Сердце подпрыгнуло к горлу. Эржебета, не чуя ног, поднялась, подошла к каменным перилам. Родители переглянулись.

«Я боюсь за нее», — говорили глаза матери.

«Не тревожься. Она Батори», — успокаивал взгляд отца.

Дьёрдь незаметно кивнул палачам, сделал знак рукой, молчаливо приказывая растянуть казнь.

Свистнул кнут, пошел с потягом, оставляя первый кровавый след. Следом взвился второй, пересек алую полосу, образовав крест. И оба загуляли по спине мужика, срывая клоchie кожи, обнажая мясо.

А Эржебета видела, как спина эта бесновато дергается над телом сестры.

Петру кричал, бессвязно молил о пощаде.

«Сейчас попробуем, как сладок господский кусок!» — звучало в ушах Эржебеты.

«Я первый, первый...» — слышалось ей сквозь стоны и рыдания крестьянок.

«Сладок, сладок господский кусок...»

«Попробуем...»

И лишь когда кат сунул в рот Петру щипцы и выдернул еще трепещущий кусок мяса, показал всем — голос в голове Эржебеты затих. По телу разлилась странная истома. Эржебета вцепилась в холодный камень перил. Батори не теряют самообладания.

Горло перехватило, в груди поднялась яростная радость, когда палач отрубил Петру обе руки. Эржебета изогнулась от удовольствия. В ногах появилась дрожь.

Все смотрели на помост, и лишь один Иштван — на Эржебету. На губах юноши играла сладострастная улыбка.

Каты втащили обливающегося кровью Петру на стену. Там уже был вбит между камнями кол. В назидание, во утрашение.

Когда стена Эчеда украсилась агонизирующим телом, Эржебета навалилась грудью на перила, закусив губы, тяжело дыша, содрогаясь и сдерживая крик ликования.

Пусть век помнят Карпаты, как мстят за свою кровь Батори.

ГЛАВА 2

Владивосток, май 2012 года

Я стряхнул холодные капли с плаща, бросил его на вешалку. Дверь распахнулась, в кабинет вплыл запах свежесваренного кофе, а за ним и Маша. Поставила на стол чашку, улыбнулась — и в комнате, несмотря на дождь, ливший за окном, словно стало светлее.

Маша была красива. Отличная фигура, милое личико, светлые волосы, большие и добрые, как у оленухи, карие глаза. Два года назад я вырвал ее из лап залетного упыря. Клан делла Торре тогда только ушел, и в город полезла всякая нечисть. Кровосос был то ли разведчиком, то ли одиночкой, но, на свое несчастье, решил поохотиться в темной, занавешенной туманом подворотне. А я туда удачно зашел.

Девчонка держалась молодцом, мороку упыря не подда-

лась, отчаянно сопротивлялась и орала. Потому отделалась сильным испугом да царапинами на шее. Проклятый полу-чил серебряную пулю в башку.

В общем, обычное дело. Трудности начались потом, когда я объяснял Маше, что произошло. Она вполне трезво оценивала ситуацию, и сказочке про ряженого или маньяка не поверила бы. Я даже пожалел, что упырь не смог ее загипнотизировать. Пришлось сказать правду и пригрозить, чтобы помалкивала.

Я проводил девчонку домой, благо жила она неподалеку, вернулся, избавился от трупа, а вскоре благополучно забыл о Маше. Пока не встретил ее в одном нехорошем ночном клубе, где частенько появлялись проклятые.

Видок у девицы был тот еще: декольте до пупка, набедренная повязка вместо юбки — в общем, явная провокация. На проститутку она никак не тянула — манеры не те, да и выражение лица совсем уж не соответствовало. Из интереса я понаблюдал за Машей и скоро все понял. Достаточно было увидеть настороженный взгляд, которым она провожала каждого мужчину.

Я подошел, взял девчонку за локоть, молча вытащил из клуба. Отвел в укромное местечко, вырвал из рук сумочку, вытряхнул ее содержимое прямо на асфальт. Ну конечно! Здоровенный поповский крест, несколько головок чеснока, пузырек — по всей видимости, со святой водой — и столовый нож из сплава, в котором добавок было больше, чем серебра.

— Что ты собиралась с этим делать? — прорычал я. — Защекотать упыря до смерти?

Девчонка зыркнула на меня гневным взглядом:

— Он серебряный!

— Ты б еще зубочистки из осины прихватила! Пусть уж упыри обхохочутся...

И тут Маша расплакалась, принялась быстро-быстро говорить. Сквозь рыдания я с трудом разобрал, что она устала жить в постоянном ужасе, вздрагивать от каждого шороха, поэтому решила найти вампиров и посмотреть на них, а желательно даже убить.

После этой исповеди я усадил девушку в машину, где долго объяснял, что неподготовленный человек не может охотиться на проклятых:

— В лучшем случае тебя сожрали бы, как цыпленка, в худшем — ты покалечила бы ни в чем не повинного мужика.

— Может, наоборот? — робко возразила Маша. — В лучшем покалечила бы...

— Нет, дорогая! Взялась охотиться на упыря — неси ответственность за свои поступки.

Отвез я ее тогда домой и запретил даже думать о проклятых. Она вроде пообещала, но я не очень поверил — слишком бедовая оказалась девчонка. Вообще, ее поступок даже вызывал уважение: не каждый может вот так пойти навстречу собственному страху.

Пришлось для профилактики за нею присматривать. Заезжал иногда, созванивался. Каждый раз слышал одно и то же: «Хочу бороться с вампирами, делать мир чище», — и прочие благоглупости. И глаза так блестели нехорошо, с сумасшедшинкой.

Можно было плюнуть: охота быть сожранной — да пусть. Но мне стало ее жаль. Красивая, храбрая... В общем, поговорил я с отцом Константином, устроил проверку Машиной биографии, а когда убедился, что все чисто, предложил девушке должность моей помощницы.

Вот уже полтора года Маша выполняла всю офисную и бумажную работу. Правда, все время уговаривала поручить ей более серьезное дело, но я отказывал, поясняя, что она и на своем месте приносит пользу в борьбе с упырями...

— Вот еще бутерброды и печенье. Завтракай скорее, пока вчерашняя тетка не явилась, — сказала Маша, выходя.

Она не ошиблась: едва я допил кофе, на столе ожил селектор, произнес голосом помощницы:

— Иван Сергеевич, к вам посетительница.

— Пригласи.

В кабинет вошла высокая красивая брюнетка. С теткой Маша погорячилась: визитерше было не больше двадцати пяти. Она явно нервничала — теребила сумочку и покусывала пухлые губы.

— Вы должны мне помочь! — без предисловий воскликнула гостья.

Я вежливо отрекомендовался:

— Иван Тарков, частный детектив.

— Ах да, извините, — брюнетка порылась в сумочке, достала визитку, протянула.

«Александра Вениаминовна Катынина», — гласила надпись на карточке. Дальше следовали контакты. Ни профессии, ни должностей — значит, скорее всего, просто жена. И, скорее всего, того самого Катынина...

— Да, Денис Катынин — мой муж, — кивнула Александра. — О нем я и хотела поговорить...

От меня не укрылась заминка, с которой она произнесла эти слова.

— Простите, не занимаюсь выслеживанием неверных супругов.

— Нет-нет, вы не поняли! Он... пропал. Уже неделю...

Я окончательно поскущел. Денис Катынин — крупная фигура не только в масштабах Владивостока, он входил в сотню самых богатых предпринимателей России. Древесина, рыбная промышленность, морские перевозки. Исчезновение бизнесмена такого масштаба — серьезное событие. Вот только меня оно никак не интересовало. Похищение или заказное убийство, побег от властей или жены — так или иначе, но это дело не для чистильщика. Странно, что в прессу ничего не просочилось...

— Ничем не могу помочь. Это юрисдикция полиции. Заявление писали?

Александра окончательно смутилась и принялась бормотать что-то о совете директоров, бирже и падении курса акций. Я слушал уже вполуха, стараясь не показывать брезгливость слишком явно. Не люблю алчных баб. Эта — алчная. Какие-то акции дороже жизни мужа. Может, сама его и заказала, а с моей помощью хочет алиби себе состряпать? Тем лучше: проще отказать.

— Ваши услуги будут хорошо оплачены. Очень хорошо, — отчеканила женщина.

Даже будь я настоящим частным детективом, не взялся бы.

Я добавил в голос жесткости:

— Обратитесь в полицию. Это их дело. Мне некогда. Всего доброго. — Нажал кнопку селектора: — Маша, проводи.

Помощница быстро выперла растерянную Александру. Я включил компьютер, чтобы наконец заняться настоящей работой.

Лицензия частного сыщика — отличное прикрытие для чистильщика. Во-первых, проще работать с людьми: показал удостоверение — и уже расположил к себе собеседника. Странно, но корочки у нас до сих пор обладают волшебной силой. Во-вторых, удобно мониторить случаи, связанные с вампиризмом: я брался только за те дела, в которых прослеживались следы проклятых. А таких клиентов, как Александра, отфутболивал под разными предлогами.

В который раз уже открыв материалы, присланные осведомителем, я принялся снова вчитываться в мелкие строчки.

Тела были найдены группой диггеров, которые тут же вызвали полицию. По словам парней, само подземелье они нашли три дня назад, но отложили его исследование из-за других дел. Вернувшись же, обнаружили такой вот жутенький сюрприз прямо возле входа. Опознать тела диггеры не смогли, что и неудивительно при таких-то увечьях.

Трупы выглядели так, словно их растерзал дикий зверь. Впрочем, я был уверен: так оно и случилось. Разорванные глотки, вскрытые брюшины, дыры в грудной клетке — там, где сердце. Самих сердец полицейские не нашли.

Я покосился на айфон, лежавший на столе, — ну и когда ждать звонка? Святые отцы везде одинаковы — неторопливые перестраховщики и бюрократы.

Чтобы не терять времени, пробежался по местным новостным сайтам. Везде уже появилась информация о находке в подземелье. Официальной версией следствия называлось нападение дикого животного, предположительно медведя, который недавно сбежал из зоопарка.

Недоверчиво хмыкнув, я схватился за трубку.

Широкий круг знакомств — залог успеха сыщицкой работы. Приятели, собутыльники и просто осведомители — их помощь здорово экономит время и силы. Вскоре я уже знал: никакой медведь из зоопарка не сбежал. Полиция этим заявлением просто пыталась не допустить паники. Конечно, разгуливающий по городу медведь — тоже не бог весть какое счастье, но это хотя бы понятная опасность.

Следствие изначально находилось в тупике, в этом я был уверен. Никому ведь в голову не придет выдвинуть версию нападения упыря.